

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Оболонский

*д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ, ИЛИ «НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ» (Статья первая)¹

Аннотация. В работе рассмотрен ряд факторов нематериального характера, прежде всего, идеологических и морально-этических, включая исторические и религиозные, поскольку они оказывают комплексное влияние на социально-экономические процессы, на мотивации и экономическое поведение субъектов соответствующих отношений. Их недооценка, приведшая к односторонности российских реформ, имела серьёзные негативные последствия. При этом автор подчёркивает отсутствие у России какого-либо «цивилизационного запрета» на перемену траектории развития и критикует подобную позицию. Рассмотрены как положительные стороны реформ 1990-х гг., так и их ограниченность, а также юридический детерминизм. Основная по объёму часть статьи посвящена анализу идеологических и морально-этических детерминант экономического поведения. Первые рассматриваются на основе обзора работ современных российских философов, определяющих идеологию как «веру в упаковке знания», отмечающих её неустранимость, а также соотношение официальной и теневой идеологий. Затронута и религиозная идеология². В разделе о морально-этических факторах напоминает, что важность роли внеинституциональных, моральных факторов экономического поведения является мейнстримом современной экономической науки. Описана идущая от античности категория тимоса и её современное воплощение в категории человеческого достоинства. Затронуты влияние факторов доверия, совести, стыда, благодарности. Отдельный раздел посвящён важной для понимания современных реалий философской идеологии³ кинизма и её моральной противоположности – цинизму. Статью завершает кантовская максима об этике как спасательном круге человечества, особенно в тёмные времена.

Ключевые слова: *экономическая реформа, нематериальные факторы, идеология, мораль, этика, цинизм.*

JEL: D01, K15, Z10

УДК: 334.021, 122, 171,177

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_200_215

© А.В. Оболонский, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Оболонский А.В.* Нематериальные детерминанты социально-экономического поведения, или «Не хлебом единым» (статья первая) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 200–215. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_200_215.

FOR CITATION: *Obolonsky A.* The Non-Material Determinants of Socio-Economical Behavior, or «Not by the Bread Alone» (Part I) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 200–215. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_200_215.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

² «Религиозная идеология» – бессмысленное с точки зрения политической теории словосочетание. Если автор отождествляет ее с политической теологией, то такое отождествление некорректно в принципе. — *Замечание рецензента.*

³ Столь же ненаучно выглядит словосочетание «философская идеология». Из той или иной философии могут вырастать идеологические построения, но выражение «философская идеология» — псевдонаучный новояз. — *Замечание рецензента.*

Задача настоящей работы — рассмотреть ряд факторов нематериального характера, прежде всего, идеологических и морально-этических, а также связанных с ними исторических, религиозных, политических, технократических, поскольку они оказывают комплексное влияние на социально-экономические процессы, на мотивации и экономическое поведение субъектов соответствующих отношений. Это представляется весьма, если не критически, важным, ибо их недооценка, доходившая порой вплоть до пренебрежения, стала, по моему мнению, одной из причин ряда болезненных провалов постсоветских десятилетий, включая и нынешние времена. И на очередном историческом перекрёстке, когда многие, как и я, возлагали большие надежды на выход страны из известной «колеи», обусловленной предшествующим развитием, и в меру сил старались подтолкнуть страну на новую дорогу, страна вернулась в прежнюю историческую «колею» и движется по ней с нарастающей скоростью.

Почему так случилось? Почему вновь захватил бразды правления государственный Левиафан, причём с целями, предельно далёкими от идеалов и наивных мечтаний времён перестройки и начала девяностых? (К слову, те годы были, по моему мнению, самым морально достойным и светлым периодом в жизни страны за весь XX в., исключая, может быть, годы Отечественной войны, которые, как время чрезвычайное, следует оценивать по другим критериям, и потому я здесь вывожу его за скобки.) Почему опять сработал «эффект колеи»? Ведь он, отнюдь не фатален и не предопределяет будущее развитие любой страны, в отличие от мнения и заклинаний сторонников идеи «особого пути», причём как её адептов, так и проклинающих её пессимистов. Как известно, в истории различных стран есть множество примеров успешной смены траектории развития.

Разумеется, исторический путь каждой страны обладает собственной спецификой. К тому же движение по нему порой бывает и попятным, когда на социальную поверхность всплывают старые, казалось бы, уже преодоленные стереотипы массового сознания. В том числе и агрессивные, даже античеловеческие, как произошло, например, в Германии в 20-40 годы прошлого века. А Япония, начиная с революции Мэйдзи 1868г., меньше чем за столетие несколько раз весьма радикально меняла вектор своего исторического развития. Так что и Россию нет оснований исключать из подвластности общим историко-культурным закономерностям. Другое дело, что они иногда проявляются в довольно продолжительной перспективе, за пределами жизни отдельных поколений. Хотя иногда — и очень быстро. А современные темпы жизни, когда века сжимаются до десятилетий, а те — до нескольких лет, тому способствуют.

Впрочем, я довольно много об этом писал, даже издал с несколькими соавторами небольшую книжку [*Особый путь...*, 2018]. Поэтому не стану здесь вновь развивать эту очень большую тему. Лишь оговорюсь, что я категорически не приемлю модные ныне ламентации о якобы имманентно ущербной российской национальной ментальности, которая принципиально блокирует тот «человекоцентричный» путь и способ социальной организации, который характерен для жизни большинства успешных стран. Для меня он сродни тезису о нашей национальной неполноценности, если использовать фрейдистскую терминологию. Или самоуничижительному культурному расизму. И «белый флаг», выбираемый сейчас многими либералами и демократами, на мой взгляд, содержит элемент самооправдания, пусть и неосознанный. Не говоря уже о его деморализующем влиянии. Я считаю, что у России нет «цивилизационного запрета» на перемену траектории развития. Да, мы отстали от многих других, а последнее время к тому же пытаемся лишь технологически модернизировать, «оживить» архаичные по сути модели правления и социальной организации. Но не вижу ни теоретических оснований, ни эмпирических доказательств, что мы отстали навсегда.

Да, есть существенно отягчающие обстоятельства из области исторической психологии и господствовавшей общественной морали, но и они не уникальны. К тому же

мы обладаем странной особенностью — избирательно заимствовать из чужого опыта не лучшее, а худшее⁴. Что видно, например, при заимствовании из гибридного, отчасти противоречивого в своей основе мегапроекта Нового времени Высокого Модерна только одной его стороны — позаимствовали не правовые механизмы обеспечения свободы личности, не лежащие в его основе просветительские и гуманистические идеалы, а лишь его техницистский рационализм и тотальный дисциплинирующий порядок и контроль, вплоть до мобилизационной логики. При этом заложенные в Модерне предохранительные механизмы против крайностей в виде синтеза порядка и права, самоорганизации, а также интеллектуальной самокритики и самоиронии, у нас фактически не были востребованы. То же произошло и с последующим, уже практически современным, гносеологическим проектом — постмодерном, из которого у нас лучше всего прижились моральный релятивизм и доходящий до цинизма скептицизм.

К тому же не следует забывать, что и Запад тоже не всегда был «западом» в том смысле, который вкладывают в это слово крайние европоцентристы (см. об этом, например, богато фундированные и, на мой взгляд, во многом прорывные, работы Д. Травина [Травин, 2021; Травин, 2023] и др⁵). Признаюсь, я не до конца согласен с некоторыми его концептуальными выводами, особенно относительно их категоричности и претензии на универсальность, но то особая тема, выходящая за пределы настоящей статьи. А если уж прибегнуть к терминологии «особого пути», то он, на мой взгляд, как раз и состоит в острой необходимости найти способ вырваться из порочного исторического круга, воспроизводящего, пусть на новом технологическом уровне, но всё те же ретроградные, исторически бесперспективные модели управления, взаимодействия властей и народа.

Наиболее популярные авторитетные объяснения феномена наших провалов связывают его с нереформированностью государственных институтов. Или их неполной реформированностью, как предпочитают говорить более осторожные авторы. Что является важной, несомненной и печальной истиной. Но, как представляется, она обладает существенной неполнотой. Разумеется, характер и состояние институтов — фактор не просто важнейший, но иногда и ключевой. Было бы странно с этим спорить, особенно глядя «окрест себя». Однако он далеко не единственный в общественной жизни. К тому же и в модель большинства институтов заложен довольно существенный люфт, позволяющий лицам, обладающим теми или иными властными правами, по-разному действовать при реализации формально закреплённых и за институтом, и за ними лично полномочий. Наиболее очевидный, хотя и далеко не единственный пример — функционирование судов и правоохранительных органов. Не говоря уж о широко расплодившихся у нас, к несчастью, в разных областях институциональных симулякров, которые лишь имитируют исполнение социальных функций и полномочий, возложенных на них Конституцией и иными законами. И очень важен человеческий фактор, ибо в конечном счёте действуют именно люди с их конкретными мотивациями, представлениями и т.д.

Так что *хорошие институты — фактор необходимый, но недостаточный*. А люди с деформированной шкалой моральных ценностей находят способы даже неплохие институты использовать во зло. Плюс к этому, они наполняют ключевые звенья этих институтов себе подобными. И происходит негативная селекция, негативный отбор, понижающийся самоотбор. В то же время и в рамках несовершенных институтов люди морально полно-

⁴ Чуть выше в работе утверждается: «я категорически не приемлю модные ныне ламентации о якобы имманентно ущербной российской национальной ментальности». — Прим. ред.

⁵ Автор обходит критику работ Д. Травина. См.: *Заостровцев А.П.* Постигающие историю: обзор концепций развития (О книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии») // Вопросы теоретической экономики. 2023. №1. С. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155. — Прим. ред.

ценные, да и просто честные с точки зрения своей профессиональной этики могут сделать немало позитивного. Так что человеческий фактор может отчасти компенсировать несовершенство институтов, а может и неплохие институты свести к симулякрам. При порочных базовых ценностях исполнителей даже хорошие институты в их руках могут стать имитационными или даже контрпродуктивными. Собственно, о различных аспектах, связанных с мыслями, чувствами, поведением людей в социуме в основном и пойдет речь в статье. Иными словами, тема её — не факторы объективные, формально закреплённые, а аспекты субъективные, человеческие.

И, учитывая профиль журнала и его основную аудиторию, начну с экономики.

Рыночный детерминизм

В общем плане описание отхода от парадигмы экономического детерминизма в современной экономической теории и свой взгляд на это я уже имел случай представить на страницах журнала [Оболонский, 2022. С. 129–132]. Поэтому, чтобы не повторяться, ограничусь несколькими замечаниями о нашей специфике. По ряду причин так случилось, что в первом постсоветском правительстве, как и в целом в философии реформ, тон задавали экономисты. Что, вероятно, представлялось тогдашнему политическому руководству единственно возможным, ибо положение в экономике страны было близким к катастрофическому. Мы находились на грани экономического коллапса с соответствующими последствиями. И пришедшая к руководству команда высококвалифицированных учёных-экономистов сумела в условиях жесточайшего дефицита времени и ресурсов не только спасти страну от катастрофы, но и заложить основы рыночной экономики, благодаря чему мы в экономическом отношении, несмотря на все последующие политические и социальные перемены и откаты, остаёмся более или менее «на плаву». Думаю, за популистской риторикой о «лихих девяностых» мы до сих пор не оценили по справедливости заслуг этих людей перед страной и всеми нами.

Однако в планах политическом, а также человеческом цена этого оказалась чрезвычайно высокой. И, как представляется, она не во всём была такой уж неизбежной. Сработал феномен экономического детерминизма в сознании идеологов и проводников реформ, в итоге оказавшийся неадекватным. Можно в духе Д. Рикардо назвать его более «ласково» — экономическим романтизмом, но суть от этого не изменится. Г. Гегель, напротив, был по отношению к нему весьма жесток и уничижителен. Он с презрением писал об «алиментарной культуре», подразумевая под этим культуру, в центре которой стояли вопросы производства и распределения продуктов питания, и считал единственно достойным занятием для подлинного учёного феноменологию духа. Хорошо, на мой взгляд, отреагировал на гегелевскую одномерность американский историк Ф. Мэньюэл: «В защиту своей идеалистической теории Духа как сущности человеческого существования Гегель с величайшим презрением писал об алиментарной истории. Теперь же, когда мы вопреки Гегелю признали права рук и желудка на участие в человеческой истории, будем же готовы ввести в её храм и другие, более скрытые тайники человечества» [Мэньюэл, 1977. С. 288]. Правда, для Гегеля именно борьба за призвание была движущей силой истории. В современной политической науке ту же мысль достаточно категорично проводит и Ф. Фукуяма: «Я бы даже рискнул утверждать, что изрядная часть так называемой экономической мотивации зиждется на стремлении к признанию и потому не может быть удовлетворена только экономическими средствами», а потому мы должны расширить понимание человеческой мотивации за пределы простой экономической модели, доминирующей в нынешнем дискурсе» [Фукуяма, 2019. С. 23–24].

Наша отечественная концепция реформ исходила из ограниченной предпосылки, согласно которой введение полноценного рынка более или менее автоматически решит и остальные проблемы, хоть, возможно, и в неявном виде. И соответствующие надежды возлагались именно на этот путь модернизации. Так произошло потому, что наша прекрасная команда экономистов, при всём их знакомстве с фундаментальными западными концепциями, была не очень осведомлена об уже начавшихся к тому моменту переменам в мейнстриме, определявшем направление мысли ведущих мировых специалистов в области экономической теории, которое обрело общеизвестность несколько позднее. К тому же часть его получила вводящее в некоторое заблуждение наименование «экономического империализма». А наши учёные, взвалившие на себя тяжелейшую и неблагодарную практическую работу по спасению страны, при всех своих знаниях конкретных механизмов, в плане глобальном, концептуальном, руководствовались уже несколько устаревшей «классикой», которая, помимо прочего, в общем, согласовывалась с их первоначальным сугубо марксистским образованием в советских вузах.

Они в явном или неявном виде исходили из концепции экономического человека, вопреки тому, что о её ограниченности, неполной адекватности говорили многие, а наш великий философ В.С. Соловьев и вообще сформулировал максимум, согласно которой «признавать человека лишь как деятеля экономического — производителя, собственника, и потребителя вещественных благ — есть точка зрения ложная и безнравственная» [Соловьев, 1988. Т. 1. С. 407]. Наши же идеологи и проводники реформ исходили из того, что «невидимая рука рынка» расставит всё по местам и в других сферах. В результате, как неоднократно подчёркивала в своих публичных выступлениях Т.Е. Ворожейкина, демократический проект был сведён к проекту рыночному, в рамках которого рядовым гражданам, как и в советские времена, отводилась роль «винтиков», объектов происходящих процессов, а не их полноправных субъектов, активных участников⁶. И большее всего реформы ударили по тем слоям общества, которые наиболее активно поддерживали реформы, по их интеллектуальному активу. Они до какого-то момента, в ущерб своим материальным потерям вплоть до грани обнищания, всё же поддерживали политику реформ. Однако не беспредельно. Люди, поверившие в «волшебную палочку» либерализма, были готовы терпеть материальные лишения, но не до фанатизма. Довольно скоро «красная черта» терпения была перейдена. К тому же на их глазах буквально из ничего, причём довольно мутными способами, возникали многомиллионные состояния, что отнюдь не соответствовало возвышенным романтическим ожиданиям времён перестройки и тоже не способствовало поддержке провозглашённым либеральным идеалам. И утопические ожидания скорого наступления «всеобщего счастья» сменили ностальгические чувства по отношению к хоть и дурной, но знакомой и понятной прежней стабильности. Люди почувствовали себя обманутыми. Пожалуй, здесь уместно вспомнить афористическое описание консервативного синдрома массового сознания, данное ещё Н.М. Карамзиным, что зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится (цит. по: [Ключевский, 1958. С. 317]).

Словом, за экономическую одномерность первого поколения постсоветских реформаторов мы заплатили высокую социально-политическую цену — фактическое *сохранение и даже реставрацию ряда изживших себя институтов* советских времен. Да, благодаря мерам Е.Т. Гайдара и его команды Россия не только избежала падения в пропасть, но и значительно отодвинулась от её края. Однако платой за это стало массовое разочарование

⁶ Защищая реформаторов команды Гайдара как людей, спасших страну от катастрофы, автор противоречит сам себе, утверждая, что теоретические положения, на которые опирались реформаторы, устарели к моменту начала реформы, а в ходе преобразований демократические реформы были подменены рыночными. Если последние два утверждения верны, то реформаторы не спасли Россию, а поставили её на край пропасти. — *Замечание рецензента.*

в либеральных ценностях. Жёсткие экономические меры стали ассоциироваться в массовом сознании с либерализмом. И последствия его дискредитации в глазах людей оказались, как мы теперь видим, очень тяжёлыми. К тому же до реформ в сферах, не представлявших, по мнению реформаторов, первостепенной важности (в частности, в культуре и науке⁷), у них, как говорится, не дошли руки. Они сохранились в практически неизменном виде, с большими трудностями стараясь просто выжить в радикально изменившейся системе экономических «правил игры». И подстраивалось уже под иные групповые интересы уже следующего, во многом реставрационного, поколения оказавшегося у власти слоя так называемой новой «элиты».

А реформаторы первого «призыва», будучи высококлассными экономистами, хотя порой и выходили за рамки рыночных схем и рассуждений (например, заговаривали о свободах и правах человека), но делали это недостаточно аргументированно и убедительно. Чувствовалось, что это не их сфера и что сами они в душе не верят в древнюю мудрость — «не хлебом единым жив человек»⁸. Они не были гуманитариями по своему профессиональному опыту и мировоззрению. И это, независимо от их личных взглядов и надежд, оказало негативное, если не драматическое, влияние на последующее развитие жизни страны.

В какой-то мере плохую службу сослужил и другой вид догматической одномерности — *одномерность юридическая*. Она воплотилась в подходе юридических нормативистов, исходивших из кельзеновской парадигмы, независимо от того, что многие из них, возможно, никогда не слышали имени австрийского теоретика права Г. Кельзена. В этой логике любой юридический акт подчиняется и действует в соответствии со своей внутренней иерархией нормативов. А проблемы правоприменения, соответствия или несоответствия актов правовой культуре практически не рассматриваются. Адекватность подобного подхода долгие десятилетия оставалась предметом широких и горячих дискуссий учёных-юристов. А К. Маркс даже однажды обронил замечание о «юридическом кретинизме».

Пожалуй, в этом контексте стоит вспомнить и толстовское отрицание даже принципиальной возможности восстановления нарушенной справедливости через юридические механизмы. Наиболее яркое выражение этого в художественной форме мы видим в романе «Воскресение». Оно встретило тогда достаточно резкое общественное неприятие и возражения. Не углубляясь в полемику на сей счет, замечу лишь, что перечитав роман, я нашёл там не отрицание ценности права (что, конечно, было бы абсурдом), а картину внутренних механизмов юридической корпорации и поведения её членов на разных уровнях. Их приоритетом действительно было не восстановление справедливости по отношению к героине, а следование совсем другим ценностям и обстоятельствам. И когда видишь нашу современную практику действий органов данной сферы, возникает «крамольная» мысль: а может быть, Лев Николаевич был не так уж неправ в своём отношении к юридической машине? Однако подробное рассмотрение связанного с этим комплекса вопросов находится за рамками темы статьи. Так что перейдём к другим намеченным к рассмотрению проблемам. И представляется логичным начать с самого высокого уровня — с философского, на котором субъективность раскрывается через проблему идеологии.

⁷ Член «команды Гайдара», Б.Г. Салтыков, осуществлял руководство министерством науки и технической политики России в 1991–1996 гг. Одним из результатов его деятельности является появление Высшей школы экономики, где ныне трудится А.В. Оболонский. — *Прим. ред.*

⁸ «Государство должно... обеспечить неприкосновенность частной собственности... брать на себя заботы об экологии, образовании и здравоохранении, о развитии науки и культуры, о бедных и нетрудоспособных. Важнейшая задача государства сегодня — борьба с уличной преступностью, запугивающей людей, и с мафией... Государство должно ограничить и свой “рэкет”, свои аппетиты по части налогов». — Гайдар Е. Государство и эволюция // Е. Гайдар. Власть и собственность. — СПб.: Норма, 2009. С. 367. — *Прим. ред.*

Идеологический аспект

Вопросам соотношения философии и идеологии, а также роли последней в познавательных процессах, ценностях, мыслях и действиях людей посвящена фундаментальная коллективная монография ведущих отечественных философов «Философия и идеология: от Маркса до постмодерна» (2018). Она, на мой взгляд, представляет своего рода синтез современных взглядов в данной проблемной области. Поэтому есть смысл в данном разделе опираться на суждения и формулировки её авторов⁹.

Прежде всего о самом понятии идеологии. Существует немало её определений. Но в данном случае нет необходимости углубляться в нюансы философских рассуждений, а можно исходить из её краткого «рабочего» определения как «*веры в упаковке знания*». Она воплощается в некоей относительно единой системе идей и представлений. Группы же, находящиеся у власти или близкие к ней, стремятся институционализировать эту систему идей и представлений посредством прямого или косвенного включения их в инфраструктуру институтов. Наиболее яркие примеры в этом отношении дают тоталитарные и авторитарные политические режимы¹⁰. Х. Арендт в разных своих работах проводит мысль, что идеология как таковая изначально является не теоретической философской доктриной, а практическим политическим оружием. А Э. Соловьев прямо называет идеологию «доктринально оформленным ложным, фальшивым сознанием, которое, как всё фальшивое, не имеет никакого онтологического достоинства... Парадоксальность идеологий в том, что они представляют собой правдоподобные — порой высоко правдоподобные — и удивительно стойкие обманы и самообманы» [*Философия и идеология...*, 2018. С. 84]. Такое оформление выдаёт частный, групповой интерес за всеобщий. Из этого взгляда на идеологию и вытекает её категоричное, резко отрицательное к ней отношение со стороны большинства учёных и научного сознания в целом.

К тому же она служит своего рода маркёром, идентифицирующим людей по принципу «свой–чужой». А отсюда неизбежно вытекает наличие в ней репрессивного компонента по отношению к «чужим», что точно описал Л. Гудков на примере смены у нас, начиная с 2000-х гг., идеологического тренда: «Постепенно стали возвращаться практики идеологического контроля (борьба с фальсификациями истории, с экстремизмом, “защита чувств верующих”, традиционных ценностей и пр.). К концу 2010-х гг. усилились репрессии против инакомыслия. Консервативная или охранительная идеология, в отличие от советской идеологии, ориентирована не на “светлое будущее”, а на “светлое прошлое”... Скрепляющей осью идеологического синтеза становится сознание национальной исключительности» [*Философия и идеология...*, 2018. С. 403]. Единственное, что вызывает у меня некоторые сомнения в этом описании, — излишне расширительное использование понятия «консерватизм»¹¹. Ведь консерватизм не эквивалентен ретроградству, впадению в архаику, иногда он даже носит поступательный характер. Вспомним хотя бы случаи умеренных

⁹ Составители монографии применили любопытный приём подачи материала: после всех авторских текстов было сделано обширное заключение под названием «тематический конструктор», в котором основные мысли и оценки каждого из авторов были поимённо воспроизведены. Кстати, это упростило и ссылочный аппарат при изложении их позиций.

¹⁰ Автор не поясняет, что именно он считает «ярким». «Однополые браки во Франции были узаконены 18 мая 2013 г. Вступивший в этот день в силу закон дал однополым супругам также право на усыновление детей. Параллельно однополые пары (также как и разнополые) уже с 1999 г. во Франции могут заключать «облегчённую версию брака» — так называемый гражданский договор солидарности». Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Однополые_браки_во_Франции. По-видимому, указанный закон А.В. Оболонский не относит к «ярким примерам» идеологии. Или «режим не тот»? — *Прим. ред.*

¹¹ Институт национальной памяти (Польша) — 1998 г. Законы о большой и малой люстрациях в Чехословакии — 1991–1992 г. Запрет на отрицание Холокоста (но: против аналогичной резолюции о героизации нацизма выступили США и Украина, 2019) — ФРГ, Франция, ООН (резолюция 61/25), и т.д. Видимо, эти учреждения и нормативные акты консервативны, но не реакционны. — *Прим. ред.*

консервативных реформ, которые сыграли исторически прогрессивную роль. Мне кажется, что к картине, описанной Гудковым, больше подходит понятие «реакционность», даже если воздержаться от использования более сильных и эмоционально окрашенных слов.

Отсюда, казалось бы, вытекает отрицание за идеологией как таковой какого-либо позитивного значения. Так и кажется на первый взгляд в свете нашего знания обо всех пороках идеологического сознания. Но лишь на первый. Понятно, что перманентное навязывание единой обязательной идеологии, как было в СССР, набило у людей оскомину. Возникла своего рода идеологическая идиосинкразия. И психологически объяснимо проявившееся в начале 1990-х гг. стремление вообще обойтись без идеологии. Что оказалось самообманом, пусть во многих случаях и благонамеренным. В частности, ведь и тот экономический детерминизм, о котором шла речь выше, — тоже своего рода идеология. В этой связи любопытно мнение ведущего специалиста в области банковского права, т.е., казалось бы, ультраэкономиста Г. Тосуняна: «В силу усталости от лицемерной и лукавой идеологии советского периода в постперестроечный период была сформулирована философия абсолютных приоритетов материальных ценностей. И это было сделано во многом неосознанно при участии тех, кто причислял себя, искренне или из конъюнктурных соображений, к либералам... и которые ныне отдают отчёт в том, как много было допущено ошибок, в том числе в вопросе толерантности... чрезмерное доминирование материальных приоритетов оказывается тесно сплетено с идеологией удержания власти любой ценой» [*Философия и идеология...*, 2018. С. 408]. Так что, думаю, можно с определённой долей условности сказать, что если уж и считать идеологию лишь злом, то это «зло неизбежное и лишь порой нестерпимое» (если использовать по аналогии отношение к государству в парадигме раннего либерализма в формулировке В. Гумбольдта [*Гумбольдт*, 1985. С. 133]).

Следовательно, та или иная идеология имманентно присуща массовому общественному сознанию. Его полная деидеологизация — иллюзия. И кажущееся отсутствие идеологии — тоже своего рода идеология. Как отмечает А. Гусейнов, «общество без идеологии так же невозможно, как невозможна человеческая жизнь без сознания» [*Философия и идеология...*, 2018. С. 393]. А. Рубцов замечает, что «без идеологии, нравится нам это или нет, немислимы многие базовые институты общества и государства [Там же. С. 394]. А. Архангельский категорично предостерегает: «Отменить идеологию невозможно. Возможна только критика её, в том числе с позиций философии права, философии истории. Более того, можно и нужно бороться с единой идеологией как таковой, потому что за этой чертой начинается новый тоталитаризм» [Там же. С.395] Ту же мысль проводит и В. Лекторский: «Важно только, чтобы идеологические концепции не навязывались средствами государственного принуждения и массовой информации (дезинформации), а могли свободно и критически обсуждаться» [Там же. С.398]. Иначе они становятся конъюнктурным орудием в руках политиканствующих манипуляторов. Например, случаев, когда основой идеологии является неизменность, сохранение власти, подаваемое в камуфляже «стабильности».

Использование идеологии в качестве инструмента мобилизации масс бывает довольно эффективным и потому опасным. Чтобы убедиться в этом, не надо углубляться ни в библейские времена, ни в эпоху крестовых походов и т.п. История XX в. и современная политическая жизнь дают к тому немало примеров. Нацистский и социалистический проекты ещё не стёрлись в массовой памяти. Хотя и тот и другой в значительной мере мифологизированы, а советский ещё в какой-то мере и «облагорожен» (если уместно применить к нему такое слово). Это стало важным элементом пропаганды, особенно в нынешней ситуации реинкарнации геополитики. Причины её эффективности — вопрос отдельный. Здесь отмечу лишь, что «шахматная», по сути, социал-дарвинистская логика геополитики весьма удобна как для её выразителей, так и для обслуживающего их идеологического пропагандистского персонала.

Пропагандистское идеологическое воздействие со стороны властей, как минимум, двухслойно. Наряду с идеологией официальной, прямо и открыто выражаемой устами политиков и ангажированных ими для этих целей узнаваемых медийных персонажей, учёных, других публичных лиц, существует и другой слой воздействия. Скрытый, теневой, латентный. Он обычно используется для продвижения идей и образов, чересчур одиозных для их прямой пропаганды. Например — персонажей, отметившихся в истории крайними, патологическими жестокостями и массовыми убийствами даже по меркам своих времен. Таких, например, как Иван Грозный и Иосиф Сталин¹². Для этого используется набор косвенных средств, своего рода «намёков» — установки памятников, управляемых телевизионных шоу с «голосованиями», других «выражений массовых чувств», работающих на идеалы авторитарной власти. Дескать, «вы всё понимаете, просто нам политически неудобно (пока) об этом прямо говорить». Для него создаются и латентные институты в виде разного рода групп «активистов». Вспомним хотя бы про отряды гитлерюгенда в 1930-е гг. Парадоксально, что и те, кто до конца «не понимают» данных «намёков», тоже поддаются под действие такого массового гипноза.

По своему воздействию *теневая идеология эффективнее явной пропаганды*. Она носит скрытый, но проникающий характер. А. Рубцов отмечает: «Её организованности и механизмы обычно скрыты, но, подобно бессознательному в психоанализе, фиксируются по действиям и результатам. ...Всё это подтверждает “вертикальное” разделение функций между символическими жестами власти в режиме алиби и теневой политикой на низовом уровне. Однако интегральный результат в итоге важнее любых идеологических сигналов сверху. Теневая идеология востребована и там, где позиции не могут быть открыто артикулированы, например, из-за политической стеснительности или в силу одиозности мотивов и самого контента. Такие идеи транслируются через специализированные иносказания, чаще всего через исторические оценки и нарративы. Выявление и реконструкция такого рода неявных иносказаний — насущная аналитическая и политическая задача, требующая честной артикуляции теневых и латентных установок — вплоть до идеи эмансипации идеологии и политики от “истории”, от её лукавой метафорики» [*Философия и идеология...*, 2018. С. 413]. Он полагает, что диффузное идеологическое обнаруживает себя в самых неожиданных критических зонах, в том числе в тех, что в теории и аналитике обычно считаются пространствами идейной эмансипации — «уклонения и ускользания от идеологии, даже активного противостояния с ней (например, в науке)» [Там же].

К проблеме «идеологического бессознательного» мы ещё вернёмся. А пока немного о другом виде идеологии, не о светской, а о религиозной, которая до некоторых пор вообще занимала главное место в сознании людей. Сейчас времена изменились, но она по-прежнему остаётся весьма действенным идеологическим мотивационным фактором, хотя порой больше на уровне риторики, нежели реального поведения. Разумеется, я ни в коей мере не претендую на какой-либо религиозоведческий разговор и тем более анализ, а лишь обращаю внимание на некоторые моменты, непосредственно связанные с нашей темой.

В текстах христианских писателей, современных и близких к нашим временам, обращает на себя внимание близость их логики, а отчасти и терминологии к текстам светским — философским и даже политологическим. Так, книга Ж. Маритена, основателя неотомизма (официальной доктрины современного католицизма), «Народ и государство» даже по своему названию вполне может оказаться на книжной полке с политологической

¹² Об оценке исторических деятелей споры идут подолгу. Следует напомнить, что ещё полвека назад Николая II (причислен к лику святых) называли «Кровавым», причём эта характеристика, данная ему в 1905 г., долгое время разделялась всеми советскими прогрессивными и либеральными деятелями, а некоторыми разделяется и сейчас. Кроме того, указанных А.В. Оболонским исторических деятелей по степени «патологической жестокости» если и не превосходил, то уж никак им не уступал император Пётр I, ставший самым популярным правителем для отечественной интеллигенции. — *Прим. ред.*

литературой. А по названиям глав — «понятие суверенитета», «нация, политическое общество и государство», «права человека» — тем более. Авторские рассуждения о росте государства в Новое время, о тоталитарных государствах, о сущности демократии и т.д. вполне релевантны языку современной политической философии. Да и по существу высказываемых мыслей тоже. Например, демократия, определяемая как «рациональное упорядочение свобод, основанных на праве» [Маритен, 2000. С. 61–62], описывается как «единственно верный путь моральной рационализации политической жизни, путь, ведущий к высшим земным достижениям, на которые способно разумное животное. Демократия несёт в хрупком сосуде земную надежду, я бы сказал, биологическую надежду человечества» [Там же]. При этом, продолжает Маритен, «демократия может быть неудобной, грубой, несовершенной, подверженной риску изменить самой себе, поддавшись инстинкту страха или подавляющей силы. Она может заслуживать суровой оценки своих способностей в сфере внешней политики... И всё же демократия — единственный путь, которым могут следовать силы прогресса в истории человечества. Сходным образом мы можем оценить и ту ответственность, которой облечена демократия. Мы можем понять уникальную, драматическую значимость проблемы цели и средств для демократии. В ходе моральной рационализации политической жизни средства с необходимостью должны быть моральными. Целью для демократии являются справедливость и свобода. Если демократия будет пользоваться средствами, в своей основе несовместимыми со свободой и справедливостью, это в равной степени станет для нее актом саморазрушения» [Там же. С. 62].

Чем не текст для написанного либералом современного политологического учебника? А замечательное определение макиавеллизма как «иллюзии немедленного успеха как успеха для одного человека, а не для государства или нации», переходящее в рассуждения о том, что «громкая машина насилия гигантских макиавеллистских роботов есть признак их внутренней человеческой слабости, и всё больше и больше походит на гиганта в отношении внешних или технических сил и всё больше и больше — на карлика в том, что касается внутренних, человеческих, реальных жизненных сил» [Там же. С. 60]. Это заслуживает, по-моему, особого внимания. Равно как и рассуждения Маритена о гибком, но морально оптимальном модусе поведения в ситуации «краха политики» в репрессивном обществе на примерах концлагерей и движения Сопротивления нацистам в годы Второй мировой войны [Там же. С. 74].

Любопытен также феномен резкой эволюции взглядов некоторых политиков в сторону моральной религиозной идеологии¹³. Хотя, конечно, и тут не обходится без порой пустой и даже лицемерной риторики «на потребу публики».

Православная традиция религиозной мысли также отнюдь не сторонилась рассуждений на политически острые темы, в частности, от религиозного обоснования правильного для праведного православного человека того или иного варианта экономического поведения (см., напр.: [Флоровский, 1988]). Порой это порождало поистине масштабные экономические последствия, в том числе и парадоксального характера. Так, старооб-

¹³ Яркий пример в этом отношении — фигура и духовная трансформация Ч. Колсона, бывшего советника президента США Р.Никсона. Большую часть своей жизни он был «обычным» политиком тех времён, прагматичным и не без цинизма. Достигнув «степеней известных», оказался замешан в Уотергейтском скандале, был осуждён судом, провёл семь месяцев в тюрьме, а после этого в корне пересмотрел всю свою прежнюю жизнь и целиком посвятил себя попыткам соединить политические «правила игры» с нормами христианской нравственности. Написал несколько книг, где, в частности, говорит о ведущей роли нравственных ценностей в конфликте личности и государства: «Церковь — главный институт, чей нравственный авторитет позволяет играть связующую роль между личностью и государством, институт, который обязывает государство исполнять свой долг по отношению к личности... достигнутое общественное согласие в большой степени обязано опоре на трансцендентные ценности. Когда государство забывает об этих ценностях или открыто попирает их, оно, по существу, нарушает договор со своими согражданами» [Колсон, 1996. С. 270].

рядцы, базовой отправной идеологической посылкой мировоззрения которых было стремление к максимальной дистанцированности от «погрязшего во грехе мира», казалось бы вопреки этому породили слой крайне успешных предпринимателей и купцов, ставших на рубеже XIX–XX вв. едва ли не ведущей силой в экономической и социальной модернизации России. Официальная РПЦ, в силу ряда причин как исторического, так и более близкого происхождения, ведёт себя более осторожно, особенно по сравнению с протестантскими деноминациями. Сопоставим для примера позицию знаменитого пастора М.Л. Кинга, призывавшего христиан подчиняться лишь справедливым законам, ставя тем самым нравственность выше права, и довольно конформистские рассуждения наших иерархов, легитимирующие, по сути, любое исходящее от властей повеление, ибо «нет власти не от Бога». Но оставим эту антиномию более тонким и квалифицированным в данной области комментаторам и от сюжетов, связанных с религией, перейдём к моральным факторам в целом.

А в качестве перехода еще раз обратимся к Маритену и Ганди. Первый, говоря о трудности, но и особой важности соблюдения неизменных моральных принципов во враждебной морали политической среде, допускал определённую гибкость в средствах их реализации. Ганди же, соединявший в себе философа и политика, был более решителен. Он сформулировал принцип добровольности страдания как высшего оружия в политической борьбе, как средство, доступное лишь «сильнейшим из сильных». Реалистичность следования этому средству Ганди доказал своей жизнью и смертью. Можно найти и другие, более близкие его образцы. Но перейдем к моральным факторам воздействия на экономические процессы уже в чистом виде.

Морально-этический аспект

Ещё в XVIII в. учёные рассматривали фактор экономической выгоды хозяйственной деятельности как неотделимый от морали действующих лиц. Вспомним хотя бы заглавие знаменитой книги А.Смита «Теория нравственных чувств». А Д. Юм, сам именовавший себя «анатомом морали», называл в качестве равноправных три мотива, управляющих поступками людей: интересы (подразумеваемая, прежде всего, интересы экономические), привязанности (т.е. семейные, родственные и дружеские чувства) и моральные принципы. Отнюдь не идеализируя какие-либо «времена и нравы», полагаю, однако, что для религиозного бизнесмена тех времён всё же было важно желание «жить в мире со своей совестью». Более того, считаю, что сама категория «совесть» имманентно имеет и экономический смысл, поскольку связана со способами приобретения материального благополучия, общественного признания их нравственными или безнравственными. А по Гегелю, борьба за признание присуща любому человеку. Потребность в признании со стороны «значимых других», была и остаётся важной частью морального сознания. Её формы и деформации — вопрос отдельный. Отсюда и Гегель, и Кант выходили на категорию достоинства как некую универсальную человеческую потребность.

В современной экономической науке моральный тренд в качестве неотъемлемого компонента модели экономического поведения, перешагнув ограниченную экономическую прагматику, господствовавшую в XIX и большей части XX вв., получил новое развитие. Думаю, можно сказать, что отчасти начало этому положил Л. фон Мизес. Впрочем, я довольно подробно изложил своё понимание этого процесса в упомянутой выше статье [Оболонский, 2022. С. 129–132]. Не могу лишь не назвать имя Д. Макклоски как наиболее последовательного и убедительного оппонента экономического редукционизма, считающей, что «не собственно экономические, не институциональные и не технологические, а субъективные человеческие факторы — породили беспрецедентный в мировой истории

прогресс (выделено мной. — А.О.) последних двух веков». [McCloskey, 2010. P. 397]. Свой подход она называет «гуманомика», т.е. экономика с человеческим лицом.

О моральных факторах можно говорить много. Да и написано немало. Ограничусь некоторыми, как представляется, наиболее важными соображениями для темы статьи. И прежде всего о такой ключевой в данном отношении категории, как *достоинство*.

Достижение материального благополучия, а в идеале процветания, при всей его важности, не исчерпывает человеческих потребностей, а, если следовать пирамиде А. Маслоу, представляет лишь один, причём не самый высокий, её уровень. Ещё от Платона и Аристотеля идет *понятие «тимоса»* как очень важной части человека, выражения некоего духа справедливости как фактора, определяющего наличие или отсутствие уважения со стороны других. То есть, переводя на современный язык, общественного признания. Именно тимос подвигает человека на совершение поступков, никак не связанных с его материальными интересами, а в предельных случаях заставляет и жертвовать жизнью. Для Аристотеля его основой был долг гражданина по отношению к полису. Христианская концепция достоинства, во всяком случае в теории, строится не на долге, а на свободе воли, на возможности нравственного выбора между добром и злом. То есть мораль не утилитарное достижение результатов, в том числе экономических, а сам акт такого выбора. Это прослеживается в философских конструкциях Гоббса, Канта, Гегеля, Локка, Спинозы и др. По Гегелю, вся история человечества движима борьбой за признание. А, по Канту, это напрямую связано с одной из формулировок его категорического императива, согласно которому человек никогда не только средство, но и цель. В упомянутой пирамиде Маслоу это описывается через категорию потребности в самореализации или «смысла жизни». Ф. Фукуяма, следуя гегелевской парадигме, поднимает тему потребности человека в признании его наделённым равными правами с другими людьми, придавая борьбе за такое признание статус одной из вечных мотиваций человеческого поведения [Fukuyama, 1992. P. 143].

Любопытен пример попытки придать движению за самоуважение даже квазиправовую форму, предпринятую одной из комиссий штата Калифорния, принявшей специальную Хартию. В основе идеологии движения лежит взгляд на человека, согласно которому он может успешно действовать в жизни, только если обладает сознанием ценности собственной личности, тогда как в противном случае его вера в собственную ничтожность оказывает деструктивное влияние на его действия, становясь негативным самоорганизующимся прогнозом, или, в терминологии Селигмана-Майера, выученной беспомощностью.

Существенно иной, по сути, аморальный взгляд воплощает в себе *цинизм*. В основе его лежит принципиально иная логика. Из многочисленных определений цинизма наиболее чёткими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времен. Ими и воспользуемся. Лишь в немного сокращённом виде. Итак, «цинизм — нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда — к официальным формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двойкий источник. Во-первых, это “цинизм силы”, характерный для практики господствующих... групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами.... Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоёв, групп и индивидов, испытывающих гнёт несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода... и повергнутых в состояние духовной опустошённости»¹⁴. И определение, данное И. Коном: «Цинизм — моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духов-

¹⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 28. М.: Советская энциклопедия. С. 570.

ным, и в особенности нравственным ценностям... — возврат к “естественному состоянию”. Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные» [Кон, 1975. С. 342–343].

Однако тут есть важная для нашей темы тонкость. Существует терминологическая путаница, смешивающая два слова — циник и киник, отличающиеся в русском языке лишь одной первой буквой, но описывающие явления, не только различные, но во многом и противоположные по своему значению. Ведь цинизм, как и немало другого в жизни человечества, родился из языковых парадоксов. И один из таких парадоксов — этимология слова. Оно произошло от самоназвания древнегреческих киников — людей, для которых главным было не философствование, не игра с понятиями, а «кинический» образ и стиль жизни. И если считающегося теоретическим основоположником кинизма Антисфена можно назвать философом, то уже Диогена с его скандально популярными и провокативными эпатажами вряд ли можно отнести к данной почтенной категории¹⁵. Как и других его уличных последователей. Впрочем, и тогда, и позднее, существовали и философы, которые во внешнем поведении были далеки от диогеновых эпатажных манер, но, по существу, разделявшие кинические ценности. Кинизм перешагивал и через века, и через границы античных государств. Уже в новой эре он возродился в морали римского стоицизма. Вспомним, например, Эпиктета.

Киники были своего рода нигилистами. Они отвергали государство, политические институты, нормы как якобы противные природе человека. «Киники отрицали всё, что противопоставляется человеку. Как враждебную, внеположенную силу — государство с его институтами, законами, политикой, демагогами, правителями, диктаторами и т.п.» [Нахов, 1982. С. 99]. Законы государства для них — антагонисты природы. Разумеется, в столь радикальной форме киническая идеология в политическом плане не могла приобрести сколько-нибудь широкую популярность и выполняла роль своего рода эпатажного «анти-тезиса». Однако, преодолев свой изначально скандально максималистский характер, она вписалась в, говоря современным языком, либеральное видение соотношения личности, общества, государства. Хотя порой с сохранением пафоса либертарианства.

Так или иначе, но в философском, идейном отношении кинический взгляд на «правила жизни» вышел далеко за пределы не только Греции, но и античного мира в целом. Явным или неявным образом он вошёл в целый ряд как философских течений, так и стилей поведения по многим своим параметрам очень разных — от древнеримской стои и раннехристианского аскетизма и жертвенности до современности. Его можно обнаружить и в экзистенциалистской философии, и в контркультурах XX–XXI вв. в формах хипстерства, дауншифтинга, акционизма. Ведь «классические» хиппи по типу поведения и идеологии тоже были близки к киникам, даже по стилю жизни и манерам в чём-то походя на Диогена. Мне когда-то довелось наблюдать их и даже немного с ними пообщаться в паре районов «современных Афин» — Сан-Франциско, а также в Вашингтоне, во время протестных маршей вокруг Белого дома. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный, скандальный характер, вплоть до демонстративного отвержения элементарных норм морали и даже гигиены, при-

¹⁵ Тем не менее в истории философии Диогена (Синопского) относят именно к школе киников (*лат.* Cynici) и не разделяют «циников» и «киников». Такое разделение произошло гораздо позднее, в бытовой речи. Циники имеют такое же отношение к киникам, как корыстолюбивые люди к философам-материалистам. — *Прим. ред.*

ближает его к цинизму в негативной коннотации слова. Но в целом соотношение кинизма и цинизма в истории и современности многопланово, довольно сложно и неоднозначно.

Совокупность связанных с этим вопросов подробнейшим образом рассмотрел П. Слодердайт в ставшей научным бестселлером книге «Критика цинического разума» [Слодердайт, 2009], противопоставляющий эти два явления как в историческом, так и в смысловом отношениях. Его рассмотрение кинизма и цинизма во все времена и в широчайшем аспекте проявлений претендует на исчерпывающий характер. А в самом общем плане, кинизм и цинизм в трактовке Слодердайка — две полемические формы сознания «верхов» и «низов». Античный киник — анархист, провокатор, диссидент, который либо демонстративно, как Диоген, отвергает принятые в окружающем его обществе нормы и стандарты благополучия, житейского комфорта и даже просто приличного поведения, либо, как Лукиан, подвергает их издевательскому осмеянию в публичных лекциях перед согражданами. Иными словами, киник — человек идейный. Он либо своим прямым поведением, либо вербально, но в любом случае демонстративно противопоставляет себя общественным нормам и морали, открыто их презирает и готов испытывать за это разного рода лишения и опасности. Так сказать, «пострадать за идею». Циник же, напротив, старается, не привлекая к себе лишнего внимания, вписаться в общий «строй» и, внешне играя по правилам, на самом деле им презираемым, стремится использовать своё неприятие общественных норм себе во благо.

Поэтому ранние киники были, как почти все ранние протестанты, «штучным товаром», отнюдь не массовым типом. Но потом происходили перемены, о которых в силу периферийности темы ограничусь несколькими словами. По Слодердайку, первый народ киников это — евреи до их изгнания из Палестины, когда в борьбе с оккупировавшим её Римом, в отчаянных восстаниях против явно превосходивших их в военном отношении римских легионов, они продемонстрировали образ героизма, пусть слабого и обречённого на физическое поражение враждебной силе, но утверждающее своей жертвенностью собственное моральное над ней превосходство¹⁶. Сходным образом Слодердайт трактует и раннее христианство как великую школу сопротивления насилию, воплощённую в вере. (Тут приходит аналогия из совсем другой эпохи — В. Гавел с его концептом «власти бес- сильных».) Рим сперва подавлял христиан, но, начиная с Константина, стал «приручать» христианский кинизм, тем самым осуществив преломление кинического импульса с превращением его в цинизм. Таким образом, в политическом отношении *кинизм имманентно противоборствует власти и противостояит цинизму, использующему его в своекорыстных целях*, представляя собой интегрированный в общество антиобщественный тип морали и поведения. В этом состоит их принципиальное различие. То есть мы видим, что *кинизм — это протест, а цинизм — лукавое приспособление*.

К числу влияющих на бизнес-поведение моральных феноменов можно, на мой взгляд, отнести такие категории, как *доверие, совесть, стыд, благодарность*, поскольку

¹⁶ «После того как Юлий Цезарь облегчил налоговое бремя, наложенное римлянами на евреев, в Иудее, к её несчастью, оставалось много возможностей для постоянных злоупотреблений. Перед Великим восстанием 66 г. н.э. еврейские налогоплательщики уже несколько лет проводили всеобщую забастовку, и римский прокуратор Гессий Флор был готов применить силу. Назначенный римлянами царь Ирод Агриппа убеждал евреев заплатить недоимки и предотвратить карательные меры римлян...

Доводы царя подействовали, и евреи заплатили недоимки. Однако Гессий Флор на самом деле хотел не этого. Восстание дало бы ему возможность захватить золото из иерусалимского храма, который был одной из самых богатых сокровищниц римского мира...

...Когда Тит подошёл к Иерусалиму, окружённому восстановленными стенами, он попробовал договориться с зилотами, чтобы предотвратить резню, неизбежную в противном случае... Тит согласился отменить осаду при выполнении двух условий: евреи признают римское владычество над Иудеей (которое было уже свершившимся фактом) и обязуются регулярно платить налоги римлянам. Оставшиеся в живых потом, должно быть, сильно жалели, что не приняли предложение Тита...» (Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. — М., Челябинск: Социум, 2022. С. 69–70). — *Прим. ред.*

их наличие либо дефицит формируют и общую атмосферу деловой жизни, часто определяют выбор конкретных решений и действий её участников. Поскольку проблема доверия стала в последние десятилетия почти дежурной темой в любой экономической дискуссии и серьёзной работе, не буду на ней останавливаться, а скажу несколько слов о факторе стыда, который в некоторых культурах тоже довольно существенен. Так, в деловой культуре японского предпринимательства считается стыдным, морально ущербным получать незаработанное честным трудом. Конечно, как и всюду, случаются исключения. Существует и мафиозная сеть организованной преступности — якудза. Но в целом в культуре деловых отношений в Японии стыд и совесть — факторы, реально работающие и влияющие на деловое поведение. Такие вещи положительно воздействуют на моральный климат в бизнес сообществе, формируют дух здоровой корпоративности, чувства взаимной ответственности, взаимосвязанности. Впрочем, и Запад отнюдь не чужд этому. Вспомним, хотя бы по названию, теорию «моральной доброты», автором которой был не кто иной, как М. Лютер, и которая в разных формах присутствует во многих порождённых Европой философских концепциях. И, может быть, «чудо» быстрого по историческим меркам послевоенного возрождения Японии и Германии не в последнюю очередь связано именно с морально-этическими факторами?

С другой стороны, Ф. Фукуяма, приступая к анализу деформаций государственных институтов в разных странах, писал, что в отсутствие моральных стимулов «само государство превращается в косную структуру, не способную к самообновлению» [Фукуяма, 2019 С. 15]. Тут вспоминается и Ф. Бастиа с его оценкой «государства как громадной фикции, где все стараются жить за счёт всех» [Бастиа, 2021. С. 31] Думаю, здесь можно вспомнить и о проводимом многими достаточно жёстком различии между либеральным и антилиберальным капитализмами, хотя в целом к США клеймо экономического антилиберализма применимо меньше, чем к любой из западноевропейских стран с рыночной моделью развития.

Пожалуй, уместно завершить этот текст кантовской максимой, согласно которой «этика это — спасательный круг человечества, особенно в тёмные времена». Понятно, что в ней звучит пафос моралистической идеализации. Но на то она, как говорится, и максима.

Разбору других — собственно психологических и политических — факторов влияния на экономическое поведение я предполагаю посвятить следующую статью.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

- Бастиа Ф. (2021). *Гребёж по закону*. [Bastia F. (2021). *Robbery by Law*]. — М.: Социум.
- Гумбольдт В. фон. (1985). Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства [Humboldt V. von (1985). *Ideas for experience that defines the boundaries of state activities*] // Гумбольдт В. фон. (1985). *Язык и философия культуры*. — М.: Прогресс. С. 25–141.
- Ключевский В.О. (1958). *Сочинения*. Т.5. [Kluchevskiy V. (1958). *Essays*. Vol. 5]. — М.: Издательство социально-экономической литературы.
- Колсон Ч. (1996). *Конфликт царств* [Colton Ch. (1985). *Conflict of Kingdoms*]. — М.: Гендальф.
- Кон И. (1975). *Словарь по этике* [Kon I. (1975). *Dictionary on Ethics*]. — М.: Издательство политической литературы.
- Маритен Ж. (2000). *Человек и государство* [Maritenne J. (2000). *The Man and State*]. — М.: Идея-Пресс.
- Мэньюзел Ф. (1977). О пользе и вреде психологии для истории [Manuel F. (1977). *On Benefit and Harm of Psychology for History*] // *Философия и методология истории*. — М. Прогресс.
- Нахов И.М. (1984). *Философия киников* [Nakhov I. (1984). *The Philosophy of Kinics*]. — М.: Наука.
- Оболонский А.В. (2022). Человеческий фактор в государственном управлении периода транзита в свете концепций новой институциональной теории [Obolonsky A. (2022). *A Human Factor in Public Administration during the Transit Period in light of Concepts of New Institutional Theory*] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 126–145.
- «Особый путь» страны: мифы и реальность (2018). / Под ред. А. Оболонского [«A Special Path» of country: *Myths a Realities* (2018), ed. A. Obolonsky]. — М.: Мысль.

- Соловьев В.С. (1988). Оправдание добра. Нравственная философия [Soloviev V.S. (1988). Justification for good. Moral philosophy] // В.С. Соловьев (1988). *Сочинения*. В 2-х т. Т. 1. — М.: Мысль. С. 47–548.
- Слодердаик П. (2001). *Критика цинического разума*. [Sloderike P. (2001). The Critics of Cynical Reason]. — М.: У-Фактория Екатеринбург, АСТ.
- Травин Д.Я. (2021). *Почему Россия отстала?* [Travin D.(2021) Why Russia is Lag Behind?]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2023). *Русская ловушка* [Travin D.(2023). The Russian Trap]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Философия и идеология: от Маркса до постмодерна (2018) / Под ред. А.В. Рубцова и А.А. Гусейнова [Philosophy and Ideology: from Marx till Postmodern (2018). / A. Rubtsov, A. Guseynov (eds.)]. — М.: Прогресс-Традиция.
- Флоровский Г. (1983). *Пути русского богословия* [Florovsky V.(1983). Ways of the Russian Orthodoxic Thought]. — Paris: YMCA-Press.
- Фукуяма Ф. (2019). *Идентичность*. [Fukuyama F. (2019). Identity]. — М.: Альбина Паблишер.
- Фукуяма Ф. (1992). *The End of History and the Last Man*. — N.Y.: Free Press.
- McCloskey D. (2010). *Bourgeois Dignity: Why Economists Can't Explain the Modern World*. — Chicago and London: Chicago University Press.

Оболонский Александр Валентинович

aobolonsky@hse.ru

Alexander V. Obolonsky

Doctor of Sciences (Law), professor, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

aobolonsky@hse.ru

THE NON MATHERIAL DETERMINANTS OF SOCIO ECONOMICAL BEHAVIOR, OR «NOT BY THE BREAD ALONE» (Part I)

Abstract. The article devoted to consideration of some nonmaterial factors, ideological and morally ethical especially, including historical and religious ones, and their complex influence on social-economic process, on motivations and economic behavior of subjects. because underestimation of their importance had serious negative consequences. Author stresses the absence for Russia of any civilization “prohibition” for change its way of development and criticize the opposite position. Both positive sides of economic reforms and narrow-minded character of them, including juridical determinism, are discussed. However, the main portion of the article devoted to analysis of ideological and morally-ethical determinants of economic behavior. Analysis of the first ones based of review of contemporary Russian philosophers, who name ideology as a “believes in package of knowledge”. They also assume impossible to remove ideology as such and also discuss differences between official and shadow ideologies. The religious ideology is also touched. An important role of noninstitutional, moral factors of economic behavior as a mainstream in modern economic science is mentioned in the section on moral ethical factors. Originally antic category of Tymos as soon and a moral incarnation of it in the notion of human dignity, problems of trust, consciousness, feelings of shame and gratitude are considered. A special section devoted to important problem of Kinism and cynicism as morally opposing each other in historical and philosophical aspects. Article is concluded by Kantian maxim on ethic as a lifejacket for humanity, in dark times especially.

Keywords: *economic reform, nonmaterial factors, ideology, morality, ethics, cynicism.*

JEL: D01, K15, Z10.